

ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ - ИСПЫТАНИЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ

А.Ю. ДРУГОВ

Доктор политических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Индонезия, национализм, антизападные настроения, демократизация, Сукарно, «Новый порядок», Сухарто, С.Б.Юдойоно

Слово «национализм» имеет в политическом лексиконе различные эмоциональные и оценочные оттенки, причем, не всегда позитивные. Отец-основатель Республики Индонезия, ее первый президент Сукарно говорил в 1956 г.: «Мы не отождествляем национализм с шовинизмом и не толкуем его в смысле господства одних народов над другими. Нет! Для нас национализм означает возрождение наших наций, обеспечение равного уважения для наших народов, решимость взять свое будущее в свои руки. Для нас национализм - это любовь к стране и решимость улучшить ее» [1].

Национализм Сукарно, его единомышленников и, в целом, его преемников (с известными оговорками) включал следующие основные ценности.

Во-первых, и превыше всего сохранение и упрочение независимости Индонезии, обеспечение стране достойного места на мировой арене.

Во-вторых, территориальное, социальное, политическое и духовное единство страны, индонезийского общества, индонезийской нации. Сотни этносов, населяющих архипелаг, составляют общность, которая должна рассматриваться как единая нация. Отсюда девиз «Единство в многообразии» на государственном гербе и пункт 5 статьи 37 Конституции Индонезии, внесенный в нее в 2002 г., который гласит, что положение основного закона, которое определяет Республику Индонезия как унитарное государство, не подлежит поправкам или изменениям.

В-третьих, необходимость избавиться от остатков колониального самоощущения, вера в силы и историческую роль индонезийской нации.

В-четвертых, самобытность и

Первый президент независимой Индонезии Ахмед Сукарно.

непреодолимая ценность культуры, традиций и жизненной философии народов Индонезии и нации в целом.

Сукарно был одним из архитекторов конференции стран Азии и Африки в Бандунге в апреле 1955 г., провозгласившей 10 принципов мирного сосуществования государств с различными политическими системами. Это

выдвинуло Индонезию в разряд моральных и политических лидеров в сообществе освободившихся государств. Ту же роль страна сыграет в 1961 г. в качестве одного из основателей Движения неприсоединения.

Внутри- и внешнеполитические факторы способствовали радикализации индонезийского национализма и Сукарно - как его главного носителя. В Вашингтоне и многих западноевропейских столицах считали, что ситуация в Индонезии сдвигается влево, и занимали в ряде случаев враждебные позиции по отношению к Республике. Рассекреченные материалы американских спецслужб свидетельствуют, что правительство США в 1950-х гг. поощряло участие своих граждан в помощи сепаратистам в Индонезии, включая бомбардировки индонезийских объектов [2]. Дж.Ф.Кеннеди как-то заметил, что, учитывая поддержку, которую ЦРУ оказывало мятежникам в Индонезии, можно понять присутствующий Сукарно антиамериканизм [3]. Пособничество сепаратистам, как и сам сепаратизм, независимо от политических или идеологических мотивов, есть высшее прегрешение, с точки зрения национального самосознания индонезийцев.

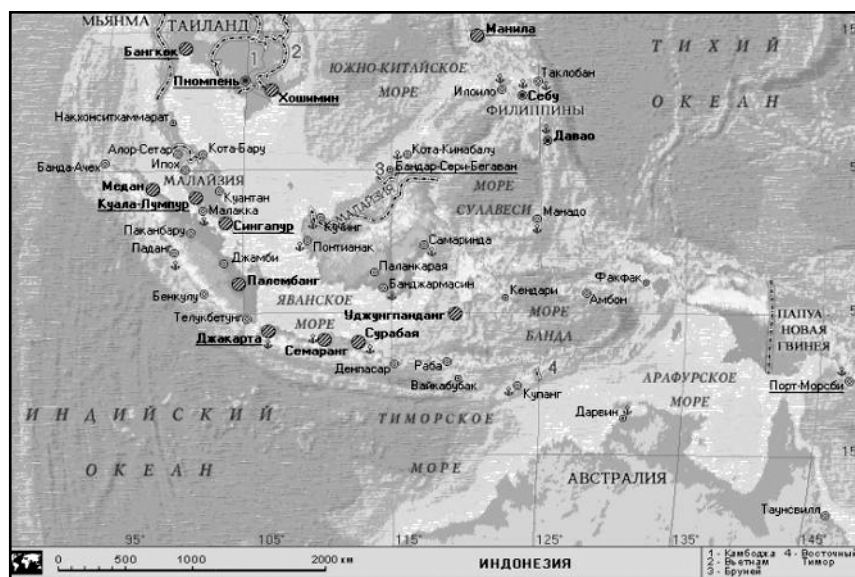
США и другие страны Запада выступили на стороне Нидерландов, удерживавших под своей властью западную часть острова Новая Гвинея, ранее входившую в состав Нидерландской Индии, что воспринималось индонезийцами как ущемление суверенитета и территориальной целостности страны. Коренное перевооружение армии, авиации и флота

при всесторонней помощи СССР было решающим фактором, побудившим Гаагу пойти на уступки (и в Индонезии об этом до сих пор помнят, как и о помощи США сепаратистам).

Победа Индонезии в этом конфликте способствовала новому подъему национального чувства, граничившему с переоценкой реальных возможностей Республики. Сподвижник Сукарно, один из идеологов индонезийского национализма, Руслан Абдулгани говорил: «Мы должны помнить, что являемся стомилионной нацией. Нас в пять раз больше, чем филиппинцев, в десять раз больше, чем малайзийцев. Нам принадлежит решающая роль» [4].

Великодержавные элементы в самосознании политической и военной элиты в полной мере проявились в связи с созданием в 1963 г. Федерации Малайзии, куда вошли бывшие колонии Великобритании - Малайя, Сингапур, Сабах и Саравак (Сингапур в 1965 г. вышел из Ассоциации). Отчасти память о поддержке Западом сепаратистов в 1950-х гг., Джакарта восприняла этот шаг как направленный на создание враждебного окружения у ее границ, и в мае 1964 г. Сукарно провозгласил политику «противостояния Малайзии и ее сокрушения». Этот курс не нашел поддержки большинства стран Востока. В отличие от ситуации вокруг западной Новой Гвинеи, советское руководство не проявило готовности поддержать «противостояние», что привело к некоторому охлаждению двусторонних отношений. Наиболее активное и далеко идущее содействие Сукарно получил со стороны тогдашнего маоистского руководства КНР.

Осложнение внутривнутриполитической, социальной и экономической ситуации в Индонезии побуждало Сукарно и его окружение искать выход в интенсификации антимаалайзийской кампании. В 1965 г. Индонезия вышла из ООН, провозгласив создание «новой ООН» с очевидной надеждой возглавить эту организацию, что не имело реального успеха. Та же участь постигла и выдвинутую Сукарно концепцию «новых нарождающихся сил», призванных противостоять «старому миру». На наш взгляд, в 1964-1965 гг. имел место известный отход от той концепции ин-

донезийского национализма, с которой страна обрела независимость и добилась международного признания.

Жесточайший внутривнутриполитический кризис, разразившийся в Индонезии в конце 1965 г., имел своим следствием падение режима личной власти Сукарно и физическое уничтожение до трех миллионов членов и сторонников левых организаций. В стране установился авторитарный режим «нового порядка», где ведущей политической силой и костяком аппарата власти стала армия.

Как следует из рассекреченных документов госдепартамента США, Вашингтон оказывал всемерную политическую и материальную помощь индонезийским военным в развертывании террора. Администрация США добивалась, чтобы этот террор непременно завершился смещением Сукарно, чей радикальный антиимпериализм создавал серьезные проблемы для политических и экономических интересов Вашингтона и, в частности, американских нефтяных монополий [5]. До сведения военного руководства Индонезии было доведено, что помощь ему со стороны США находится в прямой зависимости от его готовности отказаться от политики Сукарно в этом вопросе [5, р. 61]. Генералы вынуждены были повиноваться, однако в среде военной элиты, принадлежавшей к периоду антиколониальной войны, на наш взгляд, эта ситуация оставила глубокие, хотя и «отложенные», антиамериканские настроения.

Индонезия - крупнейшее в мире островное государство.

«НОВЫЙ ПОРЯДОК»

Период «нового порядка» (1966-1968 гг.) стал серьезным испытанием для индонезийского национализма, который в предыдущие десятилетия успешно использовал противоречия между двумя мировыми лагерями. Яркий антикоммунизм новой власти должен был отбросить страну в объятия Запада. Важным фактором стала и острая потребность в иностранной помощи и капиталах для преодоления хозяйственной разрухи, вынудившая создать самые благоприятные условия для получения иностранных займов и инвестиций. Произошла переориентация на Запад и в плане военно-технического сотрудничества. Под лозунгом «Стабильность во имя развития» жестко ограничивались политические и гражданские права населения.

В то же время новый режим с самого начала подавал сигналы в адрес Москвы, что внутренние изменения не означают принципиальной переориентации внешнеполитического курса Джакарты. Режим, в целом, сдержанно реагировал на обоснованно резкие оценки антикоммунистической кампании в Индонезии, которые звучали в СССР на партийном, общественном, а иногда и государственном уровнях. «Новый порядок», в 1965-1966 гг. напрочь рассорившийся с КНР (впрочем, и здесь дело свелось не к разрыву,

а к «замораживанию» отношений), не хотел оставаться наедине с Западом, который в ту пору всячески демонстрировал свою солидарность с воинствующим антикоммунизмом Джакарты. Индонезия аккуратно выплачивала согласованные суммы в погашение кредитов, ранее предоставленных советской стороной.

Играя на великодержавных устремлениях нового президента генерала Сухарто и его окружения, президент США Дж.Форд и госсекретарь Г.Киссинджер поощрили индонезийское правительство на аннексию в 1975 г. бывшей португальской колонии Восточного Тимора, где нарастало влияние левых сил, выступавших за провозглашение независимого государства. При этом было очевидно, как поведут себя в Восточном Тиморе войска, которые менее чем за 10 лет до этого вырезали миллионы своих соотечественников.

Расчет Запада на то, что антикоммунизм станет определяющим фактором внешнеполитической ориентации «нового порядка», в долгосрочной перспективе не оправдался. Индонезия сделала свои выводы из поражения США во Вьетнаме. В феврале 1986 г. главком вооруженных сил страны генерал Б.Мурдани посетил Ханой, где заявил: «Я твердо верю, что между нашими двумя странами не будет столкновений. Кое-где говорят, что Вьетнам угрожает Юго-Восточной Азии, но индонезийская армия и народ Индонезии не верят в это» [6].

Выступая в парламенте 15 августа 1986 г., президент Сухарто сказал:

- В области внешней политики, по мере того, как мы добиваемся успехов в экономическом развитии, можно постепенно приступать к достижению более широких целей в осуществлении нашей активной и независимой внешней политики. Иначе говоря, мы можем играть более значительную роль в установлении мирового порядка, основанного на независимости, вечном мире и социальной справедливости. Мы сосредотачиваем свои усилия, прежде всего, на сопредельной территории - Юго-Восточной Азии [7].

К этому времени Индонезия уже была фактическим лидером созданной в 1967 г. Ассоциации государств Юго-Восточной Азии

(АСЕАН), в которую первоначально вошли также Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины, а позже в разное время присоединились Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма.

Находясь с визитом в Японии в марте 1986 г., Сухарто встретился там с министром иностранных дел КНР. Была достигнута договоренность о нормализации отношений между двумя странами. В начале октября 1989 г. Сухарто нанес визит в СССР. По результатам его переговоров с М.Горбачевым было подписано обширное совместное заявление об основах дружественных отношений и сотрудничества между двумя странами [8].

Как вспоминал советник президента СССР К.Н.Брутенц, который участвовал в составе советской делегации в сессии АСЕАН в Джакарте в июле 1991 г., индонезийские и малайзийские деятели настойчиво жаловались советским представителям на американский диктат и выражали надежду, что СССР сохранит роль противовеса этому нажиму [9].

После распада Советского Союза влиятельная джакартская газета «Компас» писала в редакционной статье от 3 марта 1992 г.:

- Совершенно очевидно, что США все более выдвигают себя в качестве мирового жандарма, который вправе навязывать другим правила поведения... Возможно, политические реалии могут оправдать эту ситуацию, но каким отвратительным станет мир, находясь под властью одной сверхдержавы.

В Индонезии укреплялось мнение, что Запад в новых условиях не хочет усиления ее политической и экономической роли. В 1997 г. Индонезия вслед за Малайзией пытается нарушить американскую монополию в техническом оснащении вооруженных сил. Было заключено соглашение о поставках российской авиационной военной техники на общую сумму около \$1 млрд. Однако в связи с начавшимся в том же году финансовым кризисом выполнение этих планов пришлось отложить [10].

РОСТ АНТИЗАПАДНЫХ НАСТРОЕНИЙ

Последствия этого кризиса, приведшего к падению в мае 1998 г. «нового порядка», прежде

всего, вылились в изменение политической системы страны. Открылись возможности для ее демократизации, модернизации отношений в треугольнике «личность - власть - общество», хотя в результате предшествовавших десятилетий репрессивного авторитаризма, общество в целом и его элита к реформам не были достаточно подготовлены. Сопутствующим феноменом было усиление антизападных настроений. В сознании многих индонезийцев кризис связывался с результатами политики Международного валютного фонда, который обвиняли и в попустительстве павшему режиму, и в навязывании непопулярных антикризисных мер. Среди лозунгов антирежимных демонстраций в 1998 г. можно было видеть: «МВФ - волк в овечьей шкуре» и «МВФ, твоя помощь душит народ» [11].

Национальное унижение усугубилось выходом в 1999 г. из состава Республики Восточного Тимора. США и Австралия, ранее одобрявшие аннексию этой территории Индонезией, теперь обвиняли ее в нарушениях прав человека. Индонезийская газета «Ракьят Мердека» писала 6 февраля 2000 г.: «Сейчас весь мир называет индонезийцев варварами за то, что они позволили «новому порядку» править страной более 32 лет. Но ведь этот бесчеловечный режим создавался при прямом участии Межправительственной группы (стран-кредиторов. - А.Д.) по Индонезии и Всемирного банка. Справедливо ли возлагать сейчас всю вину только на индонезийскую нацию?»

Болезненно воспринималась и утрата Индонезией лидерства в АСЕАН, которое ранее считалось как само собой разумеющееся. Проблема обострялась всплывшими территориальными проблемами, прежде всего с Малайзией и отчасти с Сингапуром.

После терактов 11 ноября 2001 г. Вашингтон всемерно стремился добиться взаимодействия с Индонезией как страной с самым многочисленным в мире мусульманским населением (более 180 млн из общего населения - около 250 млн) в интересах совместной борьбы против международного терроризма. Забыв все обвинения в нарушениях прав человека, Вашингтон официально провозгласил Индонезию треть-

ей (по численности населения) демократией мира. Были сняты введенные ранее ограничения на военное сотрудничество.

1 июня 2013 г. министр обороны США Чак Хейгел заявил, что Индонезия как большая, многообразная и демократическая страна должна играть ключевую роль в руководстве регионом Юго-Восточной Азии:

- Соединенные Штаты и Индонезия, величайшая из стран мусульманским большинством, строят новые традиции сотрудничества, отражающие общее видение мирного и процветающего региона. США и Индонезия сотрудничают в гуманитарных вопросах, в преодолении последствий стихийных бедствий, обеспечении безопасности на морях, поддержании международного мира и противодействии транснациональным угрозам [12].

Развивая сотрудничество с США как наиболее мощной в политическом и экономическом отношениях державой современного мира, Индонезия стремится в пределах возможного не слишком далеко заходить во взаимодействии с Вашингтоном по антитеррористическому направлению. В Джакарте стараются избежать интернационализации своей внутренней проблемы - борьбы с исламистским радикализмом, последователи которого, как и умеренные мусульмане, видят в США главного врага ислама. Легкость, с которой Вашингтон отказывается от своих партнеров на Ближнем Востоке, побуждает Джакарту к сугубой осторожности. В равной мере Джакарта не хочет быть втянутой в растущее американо-китайское соперничество в АТР.

Антиамериканские и в целом антизападные настроения характерны не только для Индонезии. Так, видный политический деятель Малайзии, бывший премьер-министр страны Махатхир бин Мохамад обвиняет страны Запада в том, что они ведут войны (в частности, в Ираке и Афганистане), прежде всего, потому, что «война приносит огромные прибыли для их военной промышленности». Вашингтон полагает, что если ему удастся достичь мирового господства, то Соединенные Штаты смогут разрешить и свои экономические проблемы» [13]. Кроме того, по словам Махатхира, США в свое время ак-

тивно поддерживали антимаалайзийскую кампанию в Индонезии, надеясь тем самым завоевать расположение индонезийской армии и ее руками свергнуть президента Сукарно [14].

Антиамериканские, в целом, и антиамериканские, в частности, чувства значительной части индонезийского общества основаны на реальном политическом опыте индонезийской нации, на интригах и провокациях, которые в разное время осуществлялись Вашингтоном. Однако было бы неправильно не видеть другую сторону проблемы. Определенные слои элиты - гражданской, военной, мусульманской - которые в свое время охотно шли навстречу интригам, в которых ныне обвиняют Вашингтон, будь то геноцид 1960-х гг. или аннексия Восточного Тимора. Тем самым они фактически снимают с себя свою долю ответственности за те кровавые события.

Неправомерны обе крайности. Нельзя объяснять трудности развития и кризисы исключительно корыстным вмешательством внешних сил, игнорируя внутренние предпосылки и факторы (теория заговоров), отказываясь от собственной ответственности общества и государства.

Одним из первых мероприятий, проведенных избранным в 2004 г. президентом С.Б.Юдойоно, стал созыв годом позже в Индонезии международного форума, посвященного 50-летию конференции стран Азии и Африки в Бандунге. Фактически, это стало заявкой на возвращение в новых условиях к идеям Сукарно с его видением роли Индонезии в мире. 7 ноября 2013 г. С.Б.Юдойоно в конце своего второго президентского срока присвоил первому президенту Республики титул Национального героя [15].

Эти вопросы частично освещались нами в статье «Индонезия: 10 лет после авторитаризма» (Азия и Африка сегодня, 2008, № 5). В конце 2013 г. президент скажет журналистам:

- Если девять лет назад еще не восстановившуюся после кризиса Индонезию другие страны не воспринимали в качестве равной, то сейчас нас считают реальными партнерами, просят высказывать наше мнение и хотят услышать наши предложения о том, как решать те или иные проблемы [16].

Выступая перед журналиста-

ми в марте 2013 г., президент заявил:

- Сегодня Индонезия выступает как региональный лидер и активный игрок на международной арене... Мир видит Индонезию в позитивном свете. Мировые лидеры... воспринимают нашу страну как партнера, растет влияние Индонезии в обеих Америках, Европе, Африке и Центральной Азии.

По словам С.Б.Юдойоно, Индонезия должна постоянно сохранять бдительность, быть готовой играть новую международную роль, постоянно наращивать свой экономический, демократический, политический и оборонный потенциал, стать образцом гармонии ислама и демократии, предлагая «индонезийский путь» противодействия глобальным потрясениям [17].

Выступая перед индонезийскими посланцами в феврале 2012 г., глава государства подчеркивал:

- Представляя одну из крупнейших стран Азии, наши дипломаты должны быть уверены в себе, не скромничать, имея дело с иностранными представителями. Должна постоянно присутствовать ментальность, присущая большому государству, у нас не должно быть ощущения страны второго сорта... Нашим дипломатам не пристало тушеваться, общаясь с представителями других стран, в особенности, из Юго-Восточной Азии [18].

«НАЦИОНАЛИЗМ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Есть основания говорить также и о развитии в Индонезии национализма экономического характера. Разработанный в 2009 г., закон № 4/2009 предусматривал более глубокую переработку минерального сырья внутри Индонезии и увеличение доли добавленной стоимости в экспортируемых товарах, прежде всего меди, алюминия, никеля, железа, золота, а также некоторых видов продукции сельского хозяйства. Как заявил заместитель председателя Торгово-промышленной палаты Индонезии Натсир Маншур, речь идет о долговременном плане превращения Индонезии в индустриальную державу. При этом потребуются значительные капиталовложения в создание пла- вильных мощностей, инфра-

руктуры, модернизацию технологий [19]. С ним согласен и глава Союза предпринимателей Индонезии Софьян Вананди [20].

Вместе с тем, высказываются опасения, что этот курс осложнит инвестиционный климат, поскольку некоторые строящиеся перерабатывающие предприятия могут оказаться нерентабельными. Похоже, что эти опасения не оправдываются. После издания закона приток прямых инвестиций составил (в млн долл.): в 2005 г. - 8336, в 2007 г. - 6922, в 2008 г. - 9318, в 2009 г. - 4877, в 2010 г. - 12771, в 2011 г. - 19241, в 2012 г. - 19852 [21]. Есть и другая точка зрения, а именно, что закон выгоден, прежде всего, иностранным фирмам - у них больше возможность строить перерабатывающие предприятия, а национальным компаниям это грозит банкротством [22].

Другим препятствием называют недостаток квалифицированных кадров. На август 2012 г. 82,10 млн работников в Индонезии имели начальное образование, 38,57 млн - неполное среднее, 27,65 млн - полное среднее, 15,54 млн - среднее техническое, 12,04 млн - неполное и полное высшее образование [23]. В настоящее время разработана программа перехода к всеобщему среднему образованию.

12 января 2014 г. президент своим распоряжением ввел в действие закон № 4/2009. Этот до-

кумент оказался более умеренным, чем ожидалось. Был разрешен, в частности, экспорт необработанной медной руды (как утверждала пресса, под нажимом американских компаний *Freeport McMoran Copper* и *Gold and Newmont Mining Corp.*, на которые приходится 97% добычи меди в стране). Как сообщил министр энергетики и минеральных ресурсов Джеро Вачик, еще более чем 60 компаниям разрешат экспорт сырья под гарантии, что не позже 2017 г. они создадут перерабатывающие мощности. По словам министра, более жесткая позиция привела бы к сокращению экспорта, росту платежного дефицита и безработицы [24].

Характерно, что крупная китайская компания *Shandong Nanshan Aluminium Co. Ltd.* намерена вложить \$5 млрд в строительство перерабатывающих мощностей и инфраструктуры, включая электростанции [25]. В 2012 г. Китай получал из Индонезии 71% никеля и бокситов. По некоторым данным, к моменту введения закона в действие в КНР был накоплен почти годичный запас этих видов сырья [26]. Американская компания *Freeport* сообщила, что к 2017 г. в Индонезии будут действовать два ее предприятия по переработке сырья [27]. Компания *Newmont* в декабре 2013 г. подписала договор о поставке медного концентрата на индонезийские предприятия [28].

Во властных структурах и в обществе в целом усиливаются настроения в пользу увеличения роли индонезийского капитала в непосредственной разработке

природных ресурсов без продления существующих контрактов с иностранными компаниями и в экономике в целом. По данным ректора джокьякартского университета проф. Практикто, сейчас от 70 до 80% национального достояния находятся в руках иностранцев, в т.ч. в банковской сфере - более 50%, нефтегазовой промышленности и угледобыче - 70-75%, телекоммуникациях - 70%, добыче золота и меди - 80-85%, сельском и плантационном хозяйстве - до 40%. «Мы должны быть бдительными. Нельзя допустить того, чтобы, в конечном счете, все наши богатства оказались под иностранным контролем», - говорит ректор [29]. Опоненты возражают, что национальные компании вряд ли найдут достаточные средства для поисков новых месторождений: по некоторым подсчетам только для поддержания нынешнего уровня добычи углеводородов нужно увеличить число пробных бурений втрое к 2015 г. и в пять раз к 2028 г. [30].

Как бы то ни было, но в конце 2013 г. были внесены изменения в законы в сторону некоторого увеличения дозволенной доли участия иностранных компаний. Дефицит электроэнергетики вынудил разрешить 100%-ное участие иностранных инвесторов в электростанциях мощностью от 10 МВт (для менее мощных - до 49%). Разрешены инвестиции до 49% в наземный транспорт (ранее - ноль), фармацевтическую промышленность до 85% (ранее до 75%), 49% инвестиций в аэропорты, 95% - в морские порты и др. Доля в инвестициях, связанных с высоким риском, повышена с 80% до 85% [31].

Национальное достоинство Индонезии ущемляется сознанием того, что по уровню развития ей еще далеко до ведущего места в регионе. Среди 11 стран ЮВА в 2012 г. Индонезия по размерам ВВП на душу населения занимала 6-е место (\$3,592), что в 14,5 раза меньше, чем Сингапур, в 11,5 раза меньше, чем в Брунее, почти в три раза меньше, чем Малайзия, на 60% меньше, чем Таиланд [21, с. 232]. Ежегодно несколько сотен тысяч индонезийцев выезжают на работу за границу. В 2013 г. за пределами Индонезии работали около 6,5 млн ее граждан в 160 странах. Многие оседают в приграничных государ-

Вооруженные силы Индонезии традиционно играют большую роль в жизни страны.

ствах, что подрывает самооценку Индонезии как ведущей страны региона. Нередки случаи трудовых конфликтов, а также вовлеченности индонезийских рабочих в различные криминальные ситуации с последующими наказаниями вплоть до смертной казни. Это вызывает массовые выступления населения в самой Индонезии, чаще всего против представителей Малайзии, Сингапура, Саудовской Аравии.

Ощущая ситуацию как в определенной мере ущемляющую национальное достоинство, власть, тем не менее, не может сократить этот поток по двум причинам. Первая - благодаря трудовой эмиграции снижается уровень безработицы. Вторая - индонезийцы, работающие за границей, в 2013 г. перевели через банки своим семьям \$7,35 млрд (в среднем около \$1100 на одну семью). Фактически, по некоторым данным, общая сумма средств, поступающих по этому каналу, достигает 120 трлн рупий в год (по курсу на начало 2014 г. - около \$10 млрд) [32; 26]. Это существенное подспорье для бедняков и стимулирует платежеспособный спрос на предметы первой необходимости (преимущественно местного производства).

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПРОТИВОВЕС КРАЙНЕМУ ИСЛАМИЗМУ И ПРОЗАПАДНЫМ НАСТРОЕНИЯМ

С позиций национализма, часто сугубо консервативного, нередко выступают мусульманская элита и генералитет. Заместитель председателя Совета улемов Индонезии Дин Шамсуддин, в целом не принадлежащий к числу исламистских радикалов, заявил в сентябре 2013 г., что либеральная система, внедряемая ныне в Индонезии, угрожает интересам сторонников ислама и исламского национализма в стране. Он призвал не допускать раскола в рядах мусульманских организаций [33].

В то же время существуют и прямо противоположные мнения. Так, бывший председатель Конституционного суда Индонезии М.Д.Махфуд заявил, что государственная идеология находится под угрозой и существуют силы, которые хотят превратить Индонезию в исламское государ-

ство по образцу Саудовской Аравии или в имамат по типу Ирана, а также движения, которые ставят своей целью создание халифата по образцу Османской империи. Махфуд считает, что распространение этих транснациональных идей связано, в частности, с процветающей коррупцией. М.Д.Махфуд призвал мусульманские организации выступить в авангарде защиты государственной национальной идеологии [34].

Отметим важную деталь: национализм в высказываниях Махфуда выступает как противовес крайнему исламизму. Характерно, что в период вооруженного подавления правительством сепаратистов в провинции Аче* мусульманские организации Индонезии фактически не проявляли солидарность с ачехскими единоверцами - греховность сепаратизма в национальном сознании превозмогла религиозное чувство. В равной мере крайние исламисты, выступающие за создание исламского халифата в Юго-Восточной Азии, не могут рассчитывать на массовую поддержку, поскольку их цели объективно отрицают национальный суверенитет Индонезии.

По данным опросов, которые привел лидер парламентской фракции мусульманской Партии национального возрождения Лукман Эдди, около 20% индонезийцев отвергают идеологию государства и идею унитарного государства Республики Индонезия. Эти данные подтвердил опрос, проведенный по поручению президента страны С.Б.Юдойоно с участием 30 000 граждан Индонезии. Те же результаты получены среди мусульманских проповедников в столичном округе [35]). Приведенный срез общественного мнения не следует принимать как однозначный. Скорее всего, среди 20% индонезийцев, отвергающих единую государственную и национальную идеологию, присутствуют не только те, кто сделал выбор в пользу законов шариата, или сепаратисты, выступающие за отделение своих регионов от Республики. Возможно, что многие из голосовав-

* Аче - султанат в северной части острова Суматра, существовавший как независимое феодальное государство в XVI - начале XX вв. Один из центров распространения ислама в Индонезии (прим. ред.).

ших просто разочарованы тем, что государство пока не в состоянии обуздать коррупцию, обеспечить права религиозных и этнических меньшинств, остановить рост социальной поляризации. Если в 1990 г. доход самых состоятельных 10% населения страны в 5,9 раза превышал доходы беднейших 10%, то в 2005 г. эта разница составляла 7,8 раза и в 2011 г. - 9,5 раза [36].

Мотивы антизападного национализма прослеживаются в позиции не только мусульман. В канун Рождества, 24 декабря 2013 г. близкая к протестантской церкви джакартская газета «Синар Харпан» опубликовала статью, в которой резко критиковала правительство, обвиняя его в коррумпированности и в том, что оно прислуживает империи США, которые повсеместно насаждают своих марионеток, охраняющих их интересы. Газета сравнила США с Римской империей, преследовавшей Иисуса Христа, - реакция на неспособность индонезийского правительства оградить индонезийских христиан от мусульманских экстремистов.

Характерно, что такой же антизападной линии придерживаются консервативные националисты в кругах военной оппозиции, недовольные демократизацией политического режима после 1998 г. Выступая на собрании активистов молодежного движения в конце 2013 г., отставной генерал Три Сутрисно, главнокомандующий вооруженных сил и вице-президент в период «нового порядка», заявил: «Индонезия отошла от идеалов отцов-основателей. Капитализм и либерализм пришли на смену национальной идеологии и конституции 1945 г.».

Три Сутрисно и другие ветераны утверждают в своих выступлениях, что элита, пришедшая к власти на волне реформ, «сдала Индонезию иностранным колонизаторам, которые присутствуют в стране в новых формах и действуют новыми методами». Они призывают молодежь к действиям «во имя спасения Индонезии» [37].

Конечно, высказывания Три Сутрисно в значительной мере носят фарисейский характер. Один из отцов-основателей Республики, ее первый президент Сукарно умер в 1970 г., находясь под домашним арестом и фактически лишенный медицинской

помощи. Что касается колонизаторов, то основные законы об иностранных инвестициях были приняты в конце 1960-х гг. режимом «нового порядка», активным деятелем которого был сам Три Сутрисно. Однако важно, что он считал полезным для себя использовать эту аргументацию, апеллируя к национальному чувству молодежи, которая в индонезийском обществе не раз выступала в роли боевого отряда оппозиции, не всегда осознавая подлинные политические цели и интересы этой оппозиции.

Характерно и неприятие т.н. либерализма, под которым генералы и другие консерваторы понимают включение в 1999-2002 гг. в конституцию статей, обеспечивающих основные политические права и свободы человека, ограничивающих прерогативы исполнительной власти. Но чтобы восстановить против этих свобод и прав хотя бы часть населения, нужно изобразить их как навязанные извне. В этой связи бывший начальник штаба сухопутной армии генерал Прамоно Эдди Вибово, брат жены С.Б.Юдойоно и видный деятель президентской Партии демократов Индонезии, говорит: «Да, нам нужна демократия, но она должна быть нашей собственной, индонезийской демократией, неразрывно связанной с нашей национальной культурой» [38].

Тезис, к которому охотно прибегает консервативная оппозиция, сводится к «гибельности импортированного с Запада либерализма», угрожающего самобытности страны. Отчасти это порождается фарисейством Запада, готового признать либералом и демократом всякого, кто согласен идти в фарватере западной политики. Но в не меньшей мере отторжение «либеральных ценностей» отражает неготовность и нежелание продолжить демократизацию политической системы страны.

Во всем этом нет ничего оригинального, специфически индонезийского. Аналогичные взгляды мы находим в странах арабского Востока, где на счет экономического либерализма, навязанного Западом, относят череду последних кризисов [39]. Не вызывает сомнений тот факт, что Вашингтон, навязывая угодные ему модели развития, не учитывает при этом специфики соответству-

ющих стран и возможные последствия предлагаемых реформ, руководствуется собственными, да и то не всегда до конца продуманными интересами. Но когда в Индонезии против либерализма выступают эпигоны авторитарного «нового порядка», то альтернативой ему фактически становятся коррупция, фаворитизм, nepotизм, отсутствие реальной конкуренции, которые породили экономический и политический кризис в Индонезии в 1997-1998 гг.

Есть основания говорить об известном усилении консервативного национализма, направленного против результатов процесса демократизации, протекавшего в последние полтора десятилетия, которая при всех ее издержках дала существенные положительные результаты. Одна из причин недостаточной эффективности власти лежит в разобщенности политической элиты. Правительственные коалиции оказываются неустойчивыми, неспособными выработать и проводить в жизнь единый курс, оказывать поддержку президенту как главе исполнительной власти, не имеющему достаточной в численном отношении собственной фракции в парламенте. Представители партий в законодательной и исполнительной ветвях власти часто больше озабочены привлечением голосов электората и созданием предвыборных коалиций, чем решением стратегических и текущих проблем общества и государства. Отсюда - разочарование в процессе демократизации (при «новом порядке» власть выглядела монолитной) и неправомерное противопоставление этого процесса исконным ценностям и традициям индонезийского общества. К тому же противники демократизации часто отождествляют ее с бездумной вестернизацией, которая, как они утверждают, всецело навязана прозападными деятелями с подачи Вашингтона.

После падения «нового порядка», жестко ограничивавшего все внешние проявления религиозных, этнических и социальных противоречий, загоняя эти противоречия вглубь, открылись опереженные возможности и для сторонников этнической и религиозной исключительности, исламского радикализма. Власть не всегда проявляет достаточную твердость в противодействии на-

рушениям прав меньшинств, вплоть до антихристианских погромов. Это, в свою очередь, порождает или усиливает сепаратизм, прежде всего в Папуа (индонезийская часть острова Новая Гвинея), на Молуккских островах, отчасти в Аче. Так, население Папуа требует особой автономии для этого региона, коренное население которого состоит в большинстве своем из христиан, принадлежащих к папуасско-меланезийской расовой группе в отличие от большинства индонезийцев. В случае отказа папуасы намерены требовать проведения референдума об отделении территории от Республики [40]. Примером для Папуа служит провинция Аче, которой правительство, стремясь задобрить сепаратистов, в начале 2000-х гг. предоставило особые права. Пользуясь ими, местные исламисты, вопреки национальному законодательству, фактически ввели законы шариата.

Центром радикального ислама остается Ява, что порождает серьезные антияванские настроения на т.н. внешних островах. Создается впечатление, что ситуацией стремится воспользоваться армия, готовая принять на себя роль оплота национального единства, носителя национальной идеи.

Отмечается прямая апелляция к реалиям эпохи Сукарно и «нового порядка». Характерный эпизод имел место в декабре 2013 г. Начальник штаба военно-морских сил Индонезии адмирал Марсетти открыл в районе Нунукан провинции Северный Калимантан, близ границы с Малайзией, отреставрированный монумент в память о провозглашенной Сукарно в 1964 г. кампании «противостояния» Федерации Малайзии. Выступая на церемонии, адмирал сказал: «Пусть этот монумент имеет особое и глубокое значение для индонезийской молодежи, напоминая о прошлой упорной борьбе за обретение Индонезией независимости и ее оборону от поползновений соседей» [41]. Это тревожный симптом. Фактически, позиция действующего военачальника, принадлежащего к высшей военной элите, заметно отличается от официального курса правительства. Президент С.Б.Юдойоно, принимая тогда же премьер-министра Малайзии Наджиба Тун Разака, со-

вершавшего пятый за один год визит в Индонезию, отмечал укрепляющееся сотрудничество между двумя странами в различных областях и выразил уверенность в дальнейшем развитии этого процесса [42].

На фоне нарастающей критики в адрес президента и правительства в целом за неспособность обеспечить права и безопасность религиозных меньшинств привлекает внимание заявление главнокомандующих вооруженных сил генерала Мулдоко. Обращаясь к протестантам и католикам, проходящим службу в генеральном штабе ВС Индонезии, которые собрались, чтобы отметить Рождество, генерал призвал их «проникнуться духом Рождества и нести этот дух близким подобно тому, как Иисус нес свое учение окружающим» [43]. Характерно, что это послание было опубликовано газетой «Суара Карья», принадлежавшей партии Голкар, детищу армии, созданной в 1964 г. и являвшейся партией парламентского большинства в период военного режима. Утратив после падения «нового порядка» моно-

польное положение, Голкар остался одной из наиболее влиятельных партий, опираясь преимущественно на чиновничество и отчасти на национальное предпринимательство.

Спустя несколько дней тот же генерал Мулдоко, выступая в мусульманском университете, заявил, что индонезийская нация в настоящее время живет на вливаниях извне, находясь, в частности, в зависимости от импорта продовольствия. Он утверждал, что в результате реформ индонезийская нация утратила старые ценности, но не обрела новых. По словам генерала, четыре столпа нации - национальная идеология, Конституция 1945 г., унитарный характер Республики и девиз «Единство в многообразии» как бы «ушли в прошлое, уступив место новому образу жизни - приспособленчеству, нежеланию заглядывать в будущее, упорно трудиться» [44].

Отметим, что под лозунгами защиты самобытности, национальной идеи в противовес демократическим реформам выступают сейчас генералы, находящие-

ся на действительной службе, причем их позиция открыто противопоставляется курсу действующей власти. Это прямо противоречит самому духу реформ, в соответствии с которым армия не должна играть роль самостоятельной политической силы.

Фактически, идет борьба против реформ, осуществление которых началось в 1998 г. Создается впечатление, что индонезийский генералитет, вдохновленный последними событиями в Египте, начинает присматриваться к идее реванша под националистическими лозунгами. Что же касается мусульманской элиты, то она со своей стороны фактически противопоставляет реформам исламский национализм. Исход этой борьбы зависит от того, в какой мере и в какой форме гражданская элита сумеет и в дальнейшем адаптировать идеологию индонезийского национализма к реалиям и потребностям экономического и социального развития страны.

Исход этой внутриполитической борьбы покажут президентские выборы, которые должны состояться в 2014 г.

1. Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956. С. 336-337. (Sukarno. Indonesia obvinяet. M., 1956. P. 336-337.) (in Russian)
2. Indonesia (Cornell Modern Indonesia Project), Ithaca, N.Y., No. 22, October 1976. P. 168-169.
3. Hilsman R. To Move a Nation. N.Y., 1967. P. 363.
4. Grant B. Indonesia. London - New York, 1965. P. 149.
5. Bradley Simpson. International Dimensions of the 1965 - 68 Violence in Indonesia // The Contours of Mass Violence in Indonesia 1965-68. Edited by Douglas Kammen & Katharine McGregor. NUS Press, Singapore, 2012. P. 50-74.
6. Far Eastern Economic Review (Hong-Kong), 1984, No. 9. P. 8.
7. Kompas (Jakarta), 18.08.1986.
8. Правда (М.), 12.09.1989.
9. Брутенц К.Н. Несостоявшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 221-222. (Brutents K.N. Nesostoyavsheesya. M., 2005. P. 221-222.) (in Russian)
10. Сегодня (М.), 27.07.1998.
11. Юго-Восточная Азия в 1998 г. Актуальные проблемы развития. М., ИВ РАН, 1999. С. 57. (Yugo-Vostochnaya Azia v 1998. Aktualnye Problemy razvitiya. M., 1999.) (in Russian)
12. The Jakarta Post, 03.06.2013.
13. Махатхир бин Мохаммад о современном мире (Беседа с Виталием Наумкиным). М., ИВ РАН, 2013. С. 22. (Mahathir bin Mohamad o sovremennom mire.) (in Russian)
14. Doktor Umum. Memoir Tun Dr. Mahathir Mohamad. Kuala Lumpur, Malaysia 2012. P. 200, 212.
15. Suara Pembaruan (Jakarta), 12.11.2013.
16. Antara News.com., 15.12.2013.
17. The Jakarta Post, 28.03.2013.
18. Sinar Harapan News, 24.08.2012.
19. Suara Pembaruan, 21.11.2013. Подробнее о законе № 4/2009 см.: Попов А.В. Тенденции развития горнодобывающей промышленности Индонезии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. Вып. XXI. М., ИВ РАН, 2013. С. 296-332.
20. Suara Pembaruan, 07.11.2013.
21. Приводится по: Муранова А.П. Структурные сдвиги в международном движении капитала и инвестиционные потоки в Юго-Восточной Азии, 2000-2012 // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. Вып. XXI. М., ИВ РАН, 2013. С. 232-233. (Muranova A.P. Strukturnye sdvigi v mezhdunarodnom dvizhenii kapitala i investitsionnye potoki v Yugo-Vostochnoi Azii.) (in Russian)
22. Tempo.co., 06.12.2013.
23. Suara Pembaruan, 12.12.2013.
24. The Jakarta Post, 13.02.2014.
25. The Jakarta Post, 10.01.2014.
26. The Jakarta Post, 13.01.2014.
27. The Jakarta Post, 16.08.2013.
28. Suara Karya Online, 06.12.2013.
29. Antara News.com., 10.11.2013.
30. The Straits Times (Singapore), 08.01.2013.
31. The Jakarta Post, 26.12.2013.
32. Suara Pembaruan, 27.12.2013; The Jakarta Post, 13.01.2014.
33. Antara News.com., 13.09.2013.
34. Suara Pembaruan, 19.12.2013.
35. Suara Pembaruan, 16.12.2013.
36. Suara Pembaruan, 10.01.2014.
37. Sinar Harapan News, 17.12.2013.
38. Suara Pembaruan, 08.01.2014.
39. Критику подобных концепций см., в частности: Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Двуликий Янус умеренного исламизма. М., ИСАА МГУ, ИАФР РАН, 2013. С. 6-7, 42). (Vidyasova M.F., Gasanbekov T.I. Dvulikiy Yanus Umerennogo Islamizma. M., 2013.) (in Russian)
40. Sinar Harapan News, 17.2014.
41. Antara News.com., 14.12.2013.
42. The Jakarta Post, 19.12.2013.
43. Suara Karya Online, 17.01.2014.
44. Suara Pembaruan, 17.01.2014.